

ГЛАВЫ ИЗ МОНОГРАФИИ

УДК 130.2

ГОЛОСА ТРОИЦЫ, ЗВУЧАЩИЕ В КЛАССИКЕ

П.И. СИМУШ*Институт философии РАН**e-mail:**Ved2_Philosophy@bsu.edu.ru*

От редакции

В этом номере мы начинаем новую рубрику нашего журнала «Главы из монографии» публикацией материала книги известного отечественного философа П.И. Симуша, автора книг, посвященных реконструкции философского содержания творчества С.А. Есенина, Л.Н. Толстого, А.П. Чехова. П.И. Симуш представляет интеграл-версию этой проблематики в новой работе «Голоса Троицы, звучащие в классике», которая отражает мировоззрение автора, его политические позиции и философско-онтологические идеи, провоцирующие определенный дискуссионный фон.

Автор утверждает, что Россия объединена с Западом традициями революции и прогресса. История распорядилась так, что судьбы европейцев, американцев и россиян – людей разного жизненного опыта и миропонимания – переплелись довольно тесно. По-видимому, в этом проявляется какой-то таинственный замысел Провидения. Оно испытывает народы войнами и революциями, и россияне выдержали эти страшные испытания.

П.И. Симуш исходит из собственного интегрально-интернационального понимания русской национальной идеи, которая является триединым культурным синтезом российского бытия – онтологическим единством духовности, государственности и гражданственности. История, отражённая в судьбе одного человека, зачастую изоморфна истории нации и всего человечества. Это вполне было осознано русскими классиками, гениями, объединёнными, по словам Пушкина, в единое «созвездие». Реконструкция философских глубин творчества русских классиков приводит автора к пониманию мистической связи между сущностью российского исторического бытия и онтологическим триединством Бога – Отца, Сына и Святого Духа. На рубеже XX и XXI веков перед россиянами встала вечная новизна Богоявления. Можно ли это осмыслить, понять и принять?

Мы рассчитываем на читателя, который отзовется не только вдумчивым чтением, но и заинтересованным критическим или интерпретационным откликом.

Пролог. Что главное в жизни?

«Я есть Путь, Истина и Жизнь», – возвестил Иисус Христос. Личностью Богочеловека интересовались люди всегда. Я выработал своё представление о том, кем Он был и

что значит для меня. Иисус сказал: путь к спасению открыт «каждому, кто проявляет в него веру» (Ин 3:16). Приглашение постигнуть мир, веру, любовь и меру я получил в мудрости Сергея Есенина, которой посвятил книгу «Поэтическая мудрость С.А. Есенина» (2008 г.). Любили и «искали» Христа Л.Н. Толстой и А.П. Чехов, о чём рассказано мною в монографиях «Навигатор ноосферы Л.Н. Толстой» (2010 г.), «Россия и Чехов: стяжание правды» (2011 г.) В предлагаемой книге я часто обращаюсь к Библии, которая есть Слово Божие и в ней содержится истина о Христе (2 Тим 3:16). Эту истину постигала русская классика, проявляя веру в Него. В классической поэзии я слышу голос Бога. Поэт Вячеслав Сысоев, ищущий простые истины, заявил: «Дано нам место на Земле, /Чтоб жить в добре, а не во зле». И в начале пути – сомнение.

Потребность познания истины заявлена не только в Св. Писании, но и в философских трудах. Философы играют важнейшую роль в развитии человечества, защищая его от двойной опасности – мракобесия и экстремизма. Уместно напомнить также о фундаментальной роли философии в содействии установлению принципов терпимости и мира. Классики литературы формируют общественное мнение, которое основано на моральных и философских понятиях. Цели их известны – укрепить принципы уважения человеческой личности, солидарности и приверженности идеалам культуры и мира. Великим Гегелем заявлено: «Самая серьёзная потребность есть потребность познания истины».

Начала и концы Всея Руси

«Всея Русь», «Росс», «Россия» – это биография моих предков, членов моей семьи, покинувших землю, и судьба «Я». Закавыченные слова являются одновременно и всеобщими, всероссийскими и эгоцентрическими, личными. «Всея Русь» – Родина моего рода, отпрыски которого назывались русскими, белорусами и украинцами. Они не могли знать, что на исходе XX века на карте мира появятся три суверенных государства – Россия, Белоруссия и Украина. И я также не мог предвидеть чудовищного разделения единого русского пространства, ибо хорошо помню слова В.О. Ключевского о том, что «появление государства вовсе не было прогрессом ни в общественном, ни в нравственном смысле» (В.О. Ключевский. Афоризмы. Исторические портреты и этюды. Дневники. М., 1993. С. 325). И всё-таки государство, принявшее меры против злоупотреблений личной свободой, утвердилось на Русской земле, хотя догосударственные общественные союзы (кровные, общинные и религиозные) могли ограничивать произвол людей во имя их лучших побуждений. Но в реальности в среде людей есть Каины и Авели, а между ними – делающие выбор между добром и злом. Ибо на первом месте у многих превалирует жадность.

Однако без согласия народа и церкви государство бы не возникло. Русские патриоты Н. Фёдоров, К. Леонтьев считали, что сам народ создал самодержавие государей. Славянофилы же утверждали, что создание всевластного государства в России было, главным образом, делом церковников. Но как бы там ни было, две энергии – русского народа и церкви – создают и Киевскую, и Новгородскую, и Московскую Русь. На рубеже XVII-XVIII вв. реальным самодержцем Всея Руси стал Пётр Великий. Именно он дал имя Российской империи, ибо был слугою государства, исполнителем всенародного долга и движителем общественного прогресса. После первого русского императора наследники Петра I злоупотребляли властью и развивали самодержавный произвол. Конец этому смог увидеть юный Мишель Лермонтов («Предвидение», 1830 г.). Между тем несомненно, что государство было «плодом очень насущных потребностей общества» (В. Ключевский). Это понял также мыслитель и поэт М.А. Волошин – автор выдающейся поэмы «Россия» (1924 г.).

Пребывая в первой трети XX в. в крымском Коктебеле, Максимилиан Александрович чувствовал, что его душу охватило «мучительно-бесформенное чувство – безмерное и смутное: Россия...» У него сформировался свой образ «Всея Руси», с пониманием того, что народ знает свой удел в строительстве империи, а его господа «клыками рвут российское наследство». Мрачные фигуры правителей в форменных мундирах вставали над Русью. Они позволяли течь «разладице правлений» из рода в род. В России царила «неумеренность во власти: мы ни в чём не знаем меры да середины». М. Волошин приходит к выводу: «Мы углубили рознь противоречий /За двести лет, что прожили с Петра. /При

добродушии русского народа, /При сказочном терпенье мужика, – /Никто не делал более кровавой /И страшной революции, чем мы».

В мае 2012 г. я побывал в Коктебеле, в доме Волошина. Хотя минуло много лет, но душу глубоко волнуют заключительные слова волошинской поэмы «Россия»: «Я вижу изневоленную Русь... /Просвеченную заревом лампад – /Страданиями горящих о России... /И чувствую безмерную вину /Всея Руси – пред всеми и пред каждым». Встаёт мучительный вопрос: «Как можно в XXI веке загладить эту вину?»

Понятие «бытие»

Оно находится в центре философии, которая издревле ставит вопрос о том, что такое сущее. Сущее есть реальность, которая существует объективно, вне и независимо от сознания людей. У древних греков это понятие называлось «генезисом», то есть творением. «Бытие» – так названа первая книга из Пятикнижия Моисея и первая книга Библии вообще. Она описывает возникновение мира, народа и человечества. Мы узнаём об изначальной истории, о грехопадении человека, об убийстве Каином своего брата Авеля. От потомков Ноя следует таблица народов; наше воображение поражает судьба Вавилонской башни.

Нас, россиян, очень интересует, естественно, историческое бытие Всея Руси. Оно представляет собой целостный многосторонний организм, особую цивилизацию и самобытную культуру. Культурно-цивилизационное развитие России, Белоруссии и Украины определяют три языка и три национальные культуры. Они создали свои ценности, знаковые системы, обычаи и нормы поведения людей.

Одна из частей Всея Руси (России) называлась Белой Россией (Белоруссией). Это название появилось с 1653 года (времени царя Алексея Михайловича) в титуле русских государей; оно было просто географическим термином. В 1772 г. при Екатерине II произошёл первый раздел Польши, и Белоруссия была присоединена к России. Тогда мои белорусские предки стали россиянами, а отцу Иосифу Ивановичу пришлось стать участником Гражданской войны в 1918-1921 гг.

Частью Европейской России считалась и Малороссия, населённая малоросским племенем. Малорусы, ведомые Богданом Хмельницким, совершили военные действия против поляков в 1648-1654 гг. Они завершились переходом Малороссии под начало России, которой правил царь Алексей Михайлович. В составе России оказалась и Левобережная Украина, получившая свою автономию. Правобережная Украина была очищена от турков во второй половине XVIII века; она вошла в состав России. Среди донских казаков было много малорусов (28%). Малорусы играли также важную роль в приволжских губерниях, среди жителей Нижнего Поволжья и Северного Кавказа. Мой дед Ляшенко Степан являлся казаком Терского войска. В названии Малороссии сохранялся термин Украина, который означал всякое порубежье, предельную область на краю Российского государства. Установление Советской власти на рубеже 1917-1918 гг. привело к образованию УССР, появлению Украинской народной республики (1917-1920 гг.) С 1922 г. УССР находится в составе СССР. В 1991 г. был провозглашён Акт независимости Украины. Новое государство вошло в СНГ, провозгласив своим официальным языком украинский язык.

Исключительная близость белорусского и русского народов часто мешает нам признавать между ними этнические различия. В 1991 г. Республика Беларусь обрела государственную независимость; она имеет два официальных языка: белорусский и русский. В менталитете жителей Белоруссии существенную роль играет героическое прошлое (здесь в годы войны (1941-1944 гг.) погибло более 2,2 млн. человек). Белорусы сумели сохранить многое из советского наследия и избежали двадцати «убийственных лет», пережитых россиянами. Нам приходится с огромными усилиями выбираться из трясины, куда загнали страну радикал-реформаторы. В отличие от белоруссов, совершающих осторожные шаги, российский народ в огромной претензии к господствующему классу, который пока не разумеет простого народа.

Россияне говорят: «живы будем – не помрём». Верующие удовлетворены тем, что православная Церковь Всея Руси радуется за духовное, моральное и физическое благополучие населения. Бытие человека, по естеству своему, существенно причастно его плоти, душе и духу.

Естественное Начало Родины

Прямая обязанность философа – искание смыслов, смелость мысли. Именно мысли люди боятся больше всего на свете. Ибо мысль есть истина, путь и жизнь. Она не только созидательна, но и разрушительна, фиксирует эволюцию и революцию, бывает ужасной и губительной. Бертран Рассел заметил, что мысль беспощадна к привилегиям, установленным институтам и обычаям; она анархична и незаконна, безразлична к авторитету. Мысль посвящает на мудрость, проверенную веками.

И всё-таки человек жаждет мысли, которая не боится заглянуть в бездну ада. Ибо ему необходимо действие с учётом вещей, которые существуют ныне или были удалены от людей во времени и пространстве. «Мысль величественна, быстра и свободна; она – свет мира и важнейший источник красоты человека» (Б. Рассел. Словарь разума, математики, морали. 1996. С. 159).

Публичное выражение мыслям дают язык, слова. Они – социальные, позволяют мыслям не оставаться сугубо личными. «Я» не только говорю сам, но и узнаю то, что рассказывают другие. Они сообщают о том, что сейчас не присутствует, но зато существует в памяти, что было в прошлом. Именно в минувшем рождается и созревает грядущее. Тысячелетняя история России – это история родов, народностей, народов, всероссийской нации, в общем – Всея Руси.

Жизненный трагизм истории разделил пространство Всея Руси на три государства: Россию, Белоруссию и Украину. Но этот же трагизм сохранил в целостности духовно-религиозную сферу, которая представлена Русской Православной Церковью. Названные государства имеют свои политические институты, а РПЦ возглавляет Патриарх Московский и Всея Руси. Он возвращает к определённости со-стояния человеческого существа, идеи христианства и реальности языков – русского, украинского и белорусского. Им приходится сосуществовать с «национальными комплексами неполноценности», которые возникли на основе излишней доверчивости трёх народов к властям. Правители же имеют склонность пренебрегать проверенной мудростью Всея Руси. А мудрая мысль способна заглянуть в глубины истории и обнаружить там ничтожную пылинку, окружённую пучиной безмолвия. Пылинка эта – человек.

Люди первого века нашей эры слышали проповеди Андрея Первозванного, святого апостола Христа. Он трижды посетил земли Всея Руси. От Него получила древнейшая Русь и религиозную духовность, и подлинную человеческую душевность. Составляя одно целое, они становятся основанием русской ментальности, в изменениях языка выражены чувства, мысли и воля русского человека.

Познание человеческой души (чувств, мыслей и воли) неотделимо от постижения духа – интуиции, совести и общения.

Естество – есть первое начало, есть «то, что есть, природа, натура и порядки или законы его, существо, сущность по своему происхождению» (В. Даль). Человек – это единство тела, души и духа. Божественной Троицей ему дано познание триады, представленной сочетанием вещей, идей и слов.

Вещество, вещи, слова

Мы включаем в их определение материальные группы, предметы и явления, которые существуют по законам физики, химии, информатики. Физическое тело состоит из вещества. Оно трактуется как качественная сущность материи. Её существование выражается в эмпирических фактах. Посещая музейные жилища классиков, мы интересуемся их подлинными вещами. СМИ предлагает мнения о недвижимости и налогах на неё, рассматривает понятие о роскоши и её разумных пределах. Почему надо увеличивать налоговую нагрузку на сверхпотребление? Дело в том, что в наши дни вещевое богатство стало едва ли не единственным российским идеалом.

В советские времена действительно самыми важными были партия и государство, которые рассматривались как нечто божественное. Компартию называли даже «советью», имеющую своё собственное благо. Исторически сложившаяся ситуация, не при-

нимавшая в расчёт частную собственность и вещное богатство, сменилась на господство вещей и денег.

Однако немало людей не подчиняются этому господству. Реалисты считают: идеи реальны так же, как реальны и вещи; более того, идеи предшествуют вещам, поскольку последние создаются согласно идеям. Идя от слов, реалисты утверждают равноценность вещи и идеи. Мы можем сказать, что слово способно воплощать некую идею тогда, когда его воздействие соответствует индивиду и в то же время оно является одинаковым для многих других индивидов.

Платон называл «идеей» чистую сущность, не человека, а некую универсальную человечность. Последняя не появляется с рождением отдельного человека и не исчезает с его смертью; «человечность» – вечная категория, она есть идея, не будучи отдельным предметом. Идею трактуют и в духе Платона, и в духе Беркли, Юма и Локка. Эти философы называли «идеями» всё, что известно людям непосредственно из их ощущений.

В наши дни россияне сталкиваются с идеей неравенства, вызванную к жизни вопиющими экономическими несоответствиями. Особенности современности общества были точно предсказаны Библией около двух тысяч лет назад. Там говорится: «В последние дни наступят необычайно трудные времена. Люди будут самолюбивыми, любящими деньги... неблагодарными, неверными, лишёнными родственных чувств, несговорчивыми... не любящими добродетельности, предателями, своенравными, гордецами, любящими удовольствия, но не любящими Бога» (2 Тим 3:1-4).

Вряд ли можно отрицать, что в обществе всё больше стали проявляться такие отрицательные качества. Люди как люди: повсеместно распространены жадность, предубеждения, антиобщественные настроения, коррупция. И всё-таки есть надежда, что идеи свободы, равенства и братства живут.

Думая о справедливости, вспоминаю библейские изречения: «Не полагайтесь на знатных, на сына человеческого, в котором нет спасения» (Пс 146:3); «Не может идущий направлять свои шаги» (Иер 10:23). Прислушиваясь к этим мудрым словам, мы не будем разочарованы из-за того, что попытки россиян реализовать идею справедливости не увенчались успехом.

В этой связи можно вспомнить А.П. Чехова, который постоянно спрашивал себя: «Как быть более справедливым по отношению к другим людям? В чём именно я могу улучшиться?» И он бескорыстно помогал людям. Другой классик – М.А. Волошин устроил в крымском Коктебеле Дом поэта, в котором за его счёт проживало ежегодно множество приезжих (500-600 человек).

Идеи отличаются от просто воспоминаний и впечатлений. Мы можем осознавать значение «народа», «солидарности», «свободы» как идей. В высшей степени это удаётся современному классическому писателю Валентину Распутину. О своих убеждениях он поведал в книге диалогов «Эти 20 убийственных лет» (М., 2012). По мнению Распутина, «народ силён подъёмным, восходительным настроением, появившейся перед ним благородной целью».

«Смерть и жизнь во власти языка»

Это – библейское изречение (Притч 18:21). Оно предупреждает нас: не спешите со словами, лучше подумайте. Ведь словоупотребление способно как созидать, так и разрушать. Есть слова любви и слова ненависти. Наша речь может содействовать добру и взаимопониманию, но она также способна порождать зло и конфликты. Поэтому надо учиться с помощью языка понимать друг друга, стараться понять чувства и беспокойства другого. Трудности взаимобщения разрешает «золотое правило», о котором сказано устами Христа: «Во всём поступайте с людьми так, как хотите, чтобы они поступали с вами» (Мф 7:12).

Язык и слово заключают в себе особенности русской ментальности. Этот аспект замечательно раскрыт в фундаментальном труде В.В. Колесова «Русская ментальность в языке и тексте» (СПб., 2007). Рассматривая языковые факты, автор показал, как они воплощают в себе свойства русского ума, чувств и национального характера. Центральное место в спектре особенностей русского языка занимает глагол.

Так, например, решительность характера есть ни что иное, как умение *указать* воле правильное направление действий. С глаголами умно оперировал В.О. Ключевский. В его «Тетради с афоризмами» указано: «Добро, сделанное врагом, также трудно забыть, как трудно запомнить добро, сделанное другим. За добро мы платим добром только врагу; за зло мстим и врагу, и другу». Космическая информация, принятая пророком Сергеем Есениным, содержит четыре глагола: постигать, верить, любить и мерить. Посланником Провидения был также Борис Пастернак: «Я послан богом мучить /Себя, родных и тех, /Которых мучить грех». Марина Цветаева предвидела, что «настанет черёд» её «стихам, написанным так рано». Трагическая поэтесса просила дать ей «покой и радость»: «дайте мне быть счастливой». Двумя глаголами выразил своё существо писатель Валентин Распутин: «Живу и помню...» И мы тоже: живы будем – не помрём, ибо склоняемся к добру, а не ко злу.

Главное в жизни – витальный выбор один за другим. Во власти человека всегда слышать голоса жизни, звучащие в нём. К сожалению, в своё время я не услышал голос о необходимости иметь много детей. Классики голос Провидения исполнили. И теперь мы слышим и их потомков, и читаем классические произведения.

Русские гении – Пушкин, Лермонтов, Гоголь, Л. Толстой, Чехов, Блок, Есенин – были одарены ещё и пророческим даром, харизмой пророков. Пророчества были высказаны также Тютчевым, Ахматовой, Пастернаком, Волошиным, Солженицыным. Что же превращает писателя в пророка? По мнению Н. Струве, это «прежде всего соотнесённость его слова высшей Ценности, понятой как безусловное нравственное веление» (Струве Н. Православие и культура. М., Русский путь. 2000. С. 525).

Классики-пророки достигли высшей ступени познания мира. Мы имеем таких Учителей, пример которых позволяет витязям интеллекта подняться на более высокую ступень постижения жизни. Она сочетает в себе Истину, Добро и Красоту. В представлении древних греков эта Триада обозначалась как Бог. Это – правильное представление о Господе Боге.

ГЛАВА 1. ПОТРЕБНОСТЬ ПОЗНАНИЯ ИСТИНЫ

Где же тайник «обновления ума»

Пишущий эти строки полагает, что пришла пора точнее уяснить смысл триады – тело, душа, дух. Для этого следует взглянуть на творческое наследие Державина, Карамзина, Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Л. Толстого, Чехова, на идеи классиков Серебряного века и нынешних ценителей народной речи. Незабываемо «Напутное слово» В.И. Даля в Обществе русской словесности (21.04.1862). Он составил знаменитый Словарь, который является нашим путеводителем. В нём даются толкования слов: тело, душа, дух; они живы в сокровищнице меткого народного слова. Российский народ связал своё понимание указанной триады со священными Писаниями – Библией, Торой, Кораном и буддизма.

Православный подход к триаде был принят княгиней Ольгой и князем Владимиром Святым. Спустя 1000-летие в посткоммунистической России произошло Второе крещение. Религиозная история – довольно длинная и поучительная. Изучая её, я до последнего времени понимал религию как совокупность убеждений, принятых в качестве догматики; она существенно влияет на жизнь людей, внушая им веру эмоциональными или авторитарными методами. Моя же нынешняя вера в религию – интеллектуальная в сочетании с чувствами. *В свете её я предлагаю понимание тела, души и духа в контексте лучистой энергии* (аргументация – далее). Тот читатель, которого заинтересуют мои идеи, может поверить в то, что свободный интеллект и свободная вера в Провидение являются главными двигателями человеческого прогресса и основными противниками атеизма и тоталитаризма. Но я не советую читателю быть непримиримыми противниками Ленина, Сталина, Горбачёва и Ельцина.

В наши дни происходит удивительная интеграция всех форм общественного сознания – религии, философии, науки и искусства. Поэтому предлагаемая книга – это интеграл-версия. Религия смогла приспособиться к научной теории эволюции и даже извлечь из неё новые доводы. Учёные становятся также более реалистичными в подходе к

оценке религии. Она говорит образованному обществу, что единый концептуальный замысел простирается сквозь века и российская национальная идея имеется в Божественном разуме. Трудно сегодня сказать, почему Провидение предпочло путь страдания именно для России, чтобы страна осуществляла своё предназначение.

Самыми важными как для России, так и для всего человечества я считаю вопросы культуры. Меня восхищает осетинский мыслитель Коста Хетагуров, который считал, что подлинная культура состоит в том, чтобы быть гражданином Вселенной. Преданно служа любимой России, я мог бы быть гражданином Германии или Венгрии, Кубы или Монголии, то есть любого земного фрагмента пространства-времени, не исключая ни США, ни Израиля. Однако во мне сильно сожаление по поводу того, что в России и других странах в большинстве своём люди практичные, для которых деньги и власть – самые достойные цели для человека и нации. Но я надеюсь на то, что будущая всероссийская нация рано или поздно выдвинет власть, которая создаёт не только элитарную, а подлинную народную культуру. Для неё главное – мудрость, предлагающая людям нравственно-интеллектуальные линии жизни.

О жизни тела лучше А.П. Чехова не скажешь: вспомним первый монолог героини пьесы «Чайка». Она назвала все предметы в пространстве, заполненные материей и веществом; упомянула также организм человека. В древности русские говорили просто «тѣль»; они имели в виду тело, вещество, материю, всё доступное плотским чувствам, всю материальную массу. Сегодня человек обладает объёмом плоти и образует одно цельное существо. Живые ткани обладают уникальным свойством свечения. Я свечусь, следовательно, существую. Научное изучение всего спектра излучения убеждает в том, что полный биоанализ тела позволит в перспективе получать точный диагноз и лечить болезни, которые сегодня считаются смертельными. О здоровье и недугах тела читатель наверняка осведомлён лучше, чем я, поскольку своим правилом я сделал не предупреждение о том, что «Кто не мил телом, тот не мил и делом», а признание – «первым делом – самолёты...» Они, точнее – творчество, позволяют телу человека подниматься ввысь вместе с материей.

Тело оживляется душою. Не только евреи словом «душа» обычно передают выражение, которое, собственно, означает «дыхание жизни» или просто «дыхание». Русские думают также, считая, что душа всегда связана с дуновением жизни в теле. Поэтому мы по-библейски употребляем слово «душа» в связи с жизнью тела. Приведу цитату из Библии: «И создал Господь Бог человека из праха земного, и вдунул в лице его дыхание жизни, и стал человек душею» (Быт. 2:7). И эта божественная жизненная сила существует лишь в связи с телом индивида и делает его живым существом. Другими словами, человек и душа – взаимодополняемые понятия о конкретной жизни существа.

Слово «душа» довольно часто употребляется классиками. Лермонтов, например, употребил его 830 раз. Даль разъяснил слово «душа» как бессмертное духовное существо, одарённое разумом и волею; она означает также человека без плоти, бестелесное, по смерти своей. Чаще всего, упоминая душу, мы имеем в виду такие душевные качества, как ум, чувства и волю. И часто можно слышать: в этом человеке много души, а в этом или другом сочинении много ума и чувства, то есть много души. В живой беседе выделяется главный двигатель человек – душа. В тревоге и беде говорится: «у меня душа не на месте», а при желании отдохнуть и отвлечься мы «отводим душу» на чём-то приятном. Религиозный человек просит «отпустить душу на покаяние», не погубить её напрасно и дать возможность пожить.

Итак, словом «душа» мы передаём выражения «дыхания жизни», деятельности интеллекта, проявления своих чувств и воли; в общем, душа – человек с телом и психикой; она обитает в вещественном, телесном. Мне дано было увидеть свою душу в виде полуметрового луча – подобия стрелы, возвратившейся после клинической смерти. От академика Н.П. Бехтерева я слышал: каждая десятая роженица зримо, душою наблюдает, как появляется на свет новое существо.

Обитель невестественного и существенного мира. Так В.И. Даль определил дух, бестелесное существо, высшую искру Божества, человеческое стремление к небесному. В русском языке утвердился не только добрый дух (ангел, свет, чистота, красота), но и дух

злой (дьявол, демон, тьма, нечистота). Из Библии вошёл в обиход Святой Дух, третье Лицо Св. Троицы. Русский язык не обходится без слов: Дух Божий, благодать, откровение, вдохновение, сила духа, крепость, решимость, бодрость, самостоятельность.

Поэзия поддерживает дух христианской веры и раскрывает огромное многообразие духовной жизни. Например, Лермонтов употребил слово «дух» 175 раз, «совесть» – 66 раз.

Говоря обобщённо, дух, подобно душе, «трёхчастен», включает в себя свою триаду: совесть, общение и интуицию. Человек обладает способностью самооценки, различения добра и зла. Он ищет сопричастности, дружбы, ведёт диалог с окружением. В процессе общения формируется жизненный опыт. Своею интуицией думающий ищет смысла вещей.

Понять Россию нельзя без герменевтики. Её создали античные мудрецы, которые разъясняли значение слов и событий. Разрабатывая проблемы россиеведения, я постоянно обращаюсь к словнику Библии и убеждаюсь в том, что немало современных высказываний являются ложными. Ибо проблема значения слов связана с проблемой значения образов и символов. Так, художник мечтает «сказаться душой без слова» (слова Фета). Поэту Блоку было известно, какая реальность скрывается за его словами, на первый взгляд отвлечёнными. Брюсов просил: «Пойми – весь мир, все тайны в нас, /В нас Сумрак и Рассвет». Сологуб осмелился заявить: «Я – бог таинственного мира, /Весь мир в одних моих мечтах». Символисты считали себя обладателями тайного знания.

Так, например, поэты в своих исканиях смогли оценить по существу русскую революцию, её причины получили свою высшую санкцию: отряд красногвардейцев возглавляет... «В белом венчике из роз – /Впереди – Иисус Христос» (поэма Блока «Двенадцать»). Эта подлинно интеллектуальная санкция есть противовес решению вульгарных законодателей, выбросивших из красных дат календаря понятие «революция». Классика противопоставляет думцам другое суждение: в 1917 году произошла великая демократическая революция, которая продолжалась 10 месяцев. В феврале, октябре и ноябре 17-го Россия предстала, по Блоку, «в лучах новой гражданственности» и народная революция «оказалась нашей собственной душой» («О символизме». СПб. 1921. С. 18-19). Гениальное прочтение отечественной истории, включая российские революции, мы находим в «Путях России» Максимилиана Волошина.

Наиболее существенная функция словаря классики состоит в том, что он через свою связь с образами открывает нам доступ к тому, что отдалено во времени и пространстве. В будущее устремлена гоголевская Тройка. Анну Ахматову, по её словам, «как реку, суровая эпоха повернула»; она стала своего рода мостом, проложенным от классики XIX века к классике Модерна. «Чистого слога слуга» был Владимир Высоцкий. После его смерти живут созданные им песни и кинообразы; он продолжает дарить людям душевно-духовную силу и надежду, мужество и волю: «Перейдём на более высокую ступень развития!»

Жизнь в разуме

Российская жизнь – это существование в стремлении к познанию и знанию. Оно движется от чистого детского любопытства до величайших усилий мысли. Оно рождает мудрость, то есть правильное понимание человеком жизненных целей. И такая мудрость присуща русским классикам в литературе, науке и искусстве. Это нечто такое, что само по себе эти формы познания не обеспечивает.

Говоря о М.В. Ломоносове, А.С. Пушкин писал: «Историк, Ритор, Механик, Химик, Минералог, Художник и Стихотворец – он всё испытал и всё проник». Академик сделал такие замечательные открытия в науке, которые опередили своё время более чем на столетие. Вместе с этим Ломоносов обогатил русскую культуру, укрепил её национальную самостоятельность. Он стал исходным рубежом новой эпохи русской поэзии, которая достигла, по его выражению, своей «высокости и великолепия». Ломоносовские оды пропагандировали просвещение и науку, славили русский народ. Сейчас пред моими глазами селение Холмогоры, где родился гений. Мне представляется, что четыре десятилетия назад я видел исток ненасытной жажды познания мира.

В моём воображении ломоносовский исток продолжил себя в крымском Коктебеле, где жил и работал М.А. Волошин – поэт, художник, критик, исследователь, учёный. Для него характерна ненасытная жажда познания мира: «Всё видеть, всё понять, всё знать, всё пережить, /Все формы, все цвета вобрать в себя глазами, /Пройти по всей земле горящими ступнями, /Всё воспринять и снова воплотить». Эти строки вспоминаются на вершине горы, откуда, как и из волошинского дома, виден простор древнейшей Киммерии. Эта земля у Чёрного моря явилась наследницей многих культур – скифской, эллинской, римской, готской, византийской и русской.

Думая о русской культуре, я вспоминаю встречи с академиком Б.А. Рыбаковым. Он вдохновенно говорил о великом значении усадьбы крестьян. Из его выдающихся работ «Язычество древних славян» (1981г.) и «Язычество Древней Руси» (1988г.) можно получить богатое представление об обрядности славян, наших древнейших предков. Мне хочется верить в то, что по своей линии родства исток моего бытия уходит к той далёкой эпохе, когда славяне-земледельцы включили в свой рацион зерно. Видимо, это произошло 15 тысяч лет назад. По словам Н.М. Карамзина, древнейшее хлебопашество «было везде первым шагом человека к жизни гражданской, вселило в него привязанность к одному месту и к домашнему крову, дружество к соседу и, наконец, самую любовь к отечеству» (Предания веков. М., 1988. С. 51).

Три десятилетия назад, перелистывая «Повести временных лет», я остановил взгляд на эпизоде под 1093 годом. Летописец датировал картину страданий русских людей, угоняемых в плен половцами. Пленники бредут печальные, измученные, голые и босые; они скованы стужей, почернели телом... Печальная толпа на чужой земле ведёт такой разговор: «Аз бех сего города» (я был из этого города); «аз сея вси» (я – из села). Для пленников уже всё в прошлом: «был», а не «есть». Так из глубины веков доносится до нас заветная мысль об исключительной ценности для человека его корней.

Мои корни в Пятигорске, у горы Машук, рядом с которой вижу Бештау и далеко вдали – белоснежные главы Эльбруса. Я рос вблизи памятника Лермонтову, с которым связываю своё детское любопытство. Оно – тот первичный импульс, которое питает жаждущего познавать жизнь. Мою память постоянно волнует мысль Ф.М. Достоевского, высказанная в «Зимних заметках о летних впечатлениях». Писатель серьёзно задавался вопросом: «Неужели ж и в самом деле есть какое-то химическое соединение человеческого духа с родной землёй, что оторваться от неё ни за что нельзя, и хоть и оторвёшься, так всё-таки назад воротиться».

Эта привязанность к родной земле, любовь к России особенно сильно волновала русских литераторов. В моей памяти возникает множество стихотворений, посвящённых родной природе, селу или городу... «Вчера я приехал в Пятигорск...» – эта лермонтовская фраза – моя подлинная память. У всех людей подлинная память заключается в знаниях о прошедших событиях.

Суждение о том, что история древняя кончилась богочеловеком, Пушкин оценил как справедливое. Он подчеркнул: «Величайший духовный и политический переворот нашей планеты есть христианство... История новейшая есть история христианства» (А.С. Пушкин. ПСС. Т. XI, М., 1996. С. 127). Ибо в центре этого учения находится человек как каждый из людей, высшее из земных созданий.

Посланник Провидения

Временем начала распространения учения Христа на земле вполне оправданы путешествия св. апостола Андрея Первозванного. Этот человек был одарён высоким разумом, сильной волей и убедительной словесной речью.

В числе двенадцати учеников Христа – Андрей Первозванный. Иисус назвал их «апостолами» (Лк 6:13). Они были направлены Им как посланники в мир для того, чтобы свидетельствовать о деяниях Христа по Его воскресении. Апостолы возвещали спасительное послание Богочеловека и исполняли божественные задачи: «Но вы примете силу, когда сойдёт на вас Дух Святой; и будете Мне свидетелями... даже до края земли» (Деян 1:8).

На «край земли», населённой праотцами россиян, трижды приходил апостол Андрей. Он и его брат Симон были сначала рыбаками, а позже стали учениками Иисуса. Они были призваны Христом стать Его последователями: «Идите за Мною, и Я сделаю, что вы будете ловцами человеков» (Мк 1:17). Согласно легенде, Андрей (греч. мужественный) предстал пред скифами проповедником. Его можно считать первым просветителем древнейшей Руси, так как он начал христианские проповеди на просторах будущей российской державы.

Язычество, которое бытовало на русской прародине, разрешало человеческие жертвоприношения. Возможно, что наши далёкие прародители в случае особой беды приносили в жертву собственных сыновей. Здесь уместно напомнить об истории Авраама, который должен был по велению Бога принести в жертву сына своего Исаака (Бытие. 22). Эта трагедия даёт ясно понять, что Господь против принесения в жертву детей.

Можно предположить, что Андрей, первоначальный ученик Иисуса, напомнил нашим древнейшим предкам об этом запрете Бога. Они приобщились к проповедничеству. В «Православной энциклопедии» (т. II, С. 372-373) рассказывается о почитании Андрея Первозванного на Руси. Здесь прозвучало «Слово» о том, что «Руския земля святого апостола Андрея, како приходил в Русь». «Повесть временных лет» освещает переход Андрея Первозванного из Херсона (Корсуни) к местам, где в будущем предстояло возникнуть Киеву и Новгороду, и благословил эти места (Мифы народов мира. Энциклопедия: в 2-х т.).

С XI в. растёт почитание Андрея Первозванного на Руси, создаются храмы его имени, во всех русских календарях и месяцесловах Евангелия упоминается его имя. Спустя столетие активно развивалась традиция сказаний о первоначальном Иисуса и о христианском учении. В последующие века в русское самосознание входят апостольские проповеди. Со времён царя Ивана Грозного слова Андрея Первозванного вспоминались в тех случаях, когда требовалось защитить самостоятельность России в делах церкви. Священнослужители подчёркивали апостольскую преемственность Русской Православной Церкви. С именем Андрея Первозванного связана богатая традиция раскрытия идей учения Христова.

При императоре Петре I, считавшем Андрея Первозванного своим покровителем, имя «крестителя земли Русской» получил главный орден Российской империи, а Андреевский крест, имевший форму буквы X, стал изображаться на флагах Российского флота. В конце XVII в. царь Пётр I, учреждая высший орден государства, указал в его проекте на роль св. ап. Андрея Первозванного: «Крещением первоначально пределы Наши просветившего». До 1917г. орден Андрея Первозванного был высшим орденом Российской империи.

Этот орден был восстановлен как высшая награда России (1998г.). Первыми кавалерами ордена стали академик Д.С. Лихачёв, конструктор стрелкового оружия М.Т. Калашников, Святейший патриарх Алексей II.

Святейший синод РПЦ учредил высший орден Святого апостола Русской Православной Церкви – орден Святого апостола Андрея Первозванного.

Можно вспомнить, как в 1644 г. в дар царю Михаилу Фёдоровичу преподнесли десницу Андрея Первозванного, которая в настоящее время хранится в Богоявленском соборе в Москве. С именем святого апостола связана введённая в России её первая формула «Святая Русь». Для неё центральным путём является религиозное единение. Самое замечательное в современной жизни России является её поворот к религиозной культуре.

Призыв апостола Павла к «обновлению ума»

Предлагаю читателю *воображаемое послание св. ап. Павла россиянам.*

Те люди, которые не желают видеть нашу цивилизацию превращённой в руины, призваны выполнить трудный и важный долг – защитить свой разум от эгоизма и национализма. Я имею в виду непредубеждённый разум. Он нуждается в применении и защите, поскольку человечество весьма склонно к предвзятым мнениям, к крайностям в суждениях. В XX веке люди стали проявлять склонность к партийным предубеждениям и слепо верить партиям. Нередким проявлением были коллективные истерии. Человечество пережило две мировые войны, бездумно приняв ложную пропаганду. Отсутствие под-

линных знаний было одной из главных причин тех ужасающих потерь и опасностей, которыми в эпоху модерна окружены люди.

Поэтому так важно сегодня воссоздать то, что мы называем «интеллектом». Разум в своей высшей степени проявил ученик Христа Павел. В его посланиях мы видим след совокупностей событий, которые происходили в конкретных областях пространства и времени. Именно эти области склонны формировать человеческие привычки, и чем больше эти склонности, тем более сложным становится разум. Он приобретает свою специфическую организацию и предубежденность. Следует признать, что в настоящее время правит бал разум партийный, односторонний и предубежденный. Главе государства приходится с огромными усилиями управлять рулём державного корабля.

И всё-таки граждане могут ориентироваться на непредубежденный ум, который выбирает предпочтительный образ мыслей и действий в конкретной ситуации. Разум способен непредубежденно подумать, рассмотреть альтернативы, взвесить все «за» и «против». И затем может приходиться к решению, действовать и не пересматривать его до тех пор, пока какое-либо новое важное обстоятельство не изменит ситуацию. Чтобы лучше объяснить реалии, правильнее действовать и полнее понимать мир, я всегда обращаюсь за советом к апостолу Павлу. Мысли его мудры, поскольку верно понимают цели в жизни. Я выражаю свою признательность апостолу за идеи, способствующие познанию России, которая преодолевает свой жизненный трагизм. По мнению Павла, у нас «нынешние временные страдания» (Рим 8:18). Россияне могут вынести свои страдания, для чего нужно главное: человеколюбие, согласие людей и мудрость строителя страны (1 Кор 3:10).

Эти качества были остро необходимы и в I веке, когда родился и жил Павел. Юноша имел другое имя: Савл. Он принимал участие в преследованиях членов первых христианских общин. На пути из Иерусалима в Дамаск, где он должен был включиться в гонения на христиан, ему явился воскресший Христос, свершилось его обращение в христианскую веру (Деян 9:1-19). Павел стал приверженцем этой веры и проповедником учения Христа среди язычников. Много путешествуя, ап. Павел обращается к разным народам с посланиями. Судьба его оказалась трагической: взятие под стражу, римское заточение, суд императора, принятие мученической смерти (между 64 и 67гг.).

Для россиян исключительно важны доказательства Павла того, что спасение людям явлено Иисусом в истории раз и навсегда (Рим 6:10). Христос сошёл в мир для спасения всех людей без различия, ибо они «едино стадо и один пастырь». Павел особо настаивает на том, что в христианстве «несть эллин, ни иудей». Наше воображение подсказывает, что не только у колоссян, но и в христианском союзе в России, «Где нет ни Еллина, ни Иудея, ни обрезания, ни необрезания, варвара, Скифа, раба, свободного, но все и во всём Христос» (Кол 3:11). Такой веротерпимой должна быть общероссийская нация. Как гражданский и духовно-религиозный союз, нация соединяет множество этносов и их вероисповеданий, всех граждан, которые выстрадали единую судьбу поколений в Российском государстве. Над нацией властвует Абсолютное начало.

Вот что нам говорит Павел: «Всякая душа да будет покорна высшим властям, ибо нет власти не от Бога; существующие же власти от Бога установлены» (Рим 13:1); «Ибо начальствующие страшны не для добрых дел, но для злых» (Рим 13:3); «И потому надобно повиноваться не только из страха наказания, но и по совести» (Рим 13:5). Христианское отношение к государству являлось духовным основанием России в течение девяти веков.

В XX веке на россиян обрушились страшные испытания – войны и революции. Царизм втянул Империю во всемирное побоище. Страшные годы войны... «Десять миллионов мобилизованных. Нет ни снарядов, ни ружей: а пушечного мяса сколько угодно. Через год сменяют министров» (М. Волошин). Война явилась более серьёзным и роковым вопросом, чем когда-либо. Царь Николай II и его окружение хотели разрешить проблемы, однако разрешали их совершенно неверным путём.

Мстителями за преступную войну и поддержку её церковью выступили большевики. Они аннулировали итоги выборов Учредительного собрания и стали устанавливать безбожный режим. На Русскую церковь были ниспосланы невиданные ещё в истории испытания и гонения. Об этом исключительно смело заявил Патриарх Московский и всея Руси Тихон, почивший в 1925 году. Он часто ссылался на св. ап. Павла, призывавшего уклониться от «распри и раздоры» (Рим. 16:17). Враги церкви, по Тихону, «стремятся к то-

му, чтобы погубить дело Христово и вместо любви христианской всюду сеять семена злобы, ненависти и братоубийственной брани». Патриарх напомнил завет св. ап. Павла: «Согрешающих же пред всеми обличай, да и прочие страх имут» (1 Тим 5:20). Изречения Павла входят в призывы Патриарха Тихона защитить Церковь, противопоставить её врагам силу веры, а если нужно будет и пострадать за дело Христово. «Кто разлучит от любви Божия; скорбь ли, или теснота, или гонение, или глад, или нагота, или беда, или меч» (Рим. 8:35). Исполнилось слово св. ап. Павла: «Вам дано не только веровать во Христа, но и пострадать за него». Вновь и вновь звучало апостольское слово о Христе, слово истины и любви, призыв прекратить взаимные распри и междоусобную брань. Наипаче же «мир Божий да водворится в сердцах ваших» (Кол 3:15).

Православная вера оказалась очень крепкой, гораздо более прочной, чем атеизм. Русский народ не утратил веру во Христа и расстается с верой в коммунизм. Глубоко прав оказался святитель Тихон: «Пока будет вера, будет стоять и государство». Ради возрождения веры государство изменяет своё содержание и форму, отказывается от атеистической системы, которая потерпела поражение. В Москве восстановлен величественный Храм Христа Спасителя, взорванный большевиками. Во всех уголках России воскрешены храмы, восстанавливаются церкви и мечети; официально отмечаются религиозные праздники.

Воображаемое Послание св. ап. Павла россиянам можно заключить следующими словами. Вы, россияне, допустили поругание Бога, отказались от учения Христа в пользу коммунистического мифа. Вам надо раскаяние, российское возрождение – в покаянии. Россияне, помните, что государства и народы испытали падения из-за смертности их человеческой природы: старения и умирания. Но жизнь никогда не останавливается. Только не впадайте в уныние и отчаяние; ваши нынешние страдания – временные (Рим. 8:18). Россияне, подготовьте для себя «мудрого строителя» страны (1 Кор 3:10). Помните, что Россия называлась «Святой Русью». Повторю то, что сказано уже в Послании к Колоссянам: В «сынах противления» вы некогда обращались (Кол 3:6-7). «А теперь вы отложите всё: гнев, ярость, злобу, злоречение, сквернословие уст ваших; Не говорите лжи друг другу, совлекшись ветхого человека с делами его. И облечись в нового, который обновляется в познании по образу Создавшего его (Кол 3:8-10).

Инстинкты (побудки животного) часто заменяют у людей их высший дар – разум и свободную волю, которые разрозненны и вечно спорят между собой. «Это – сердце и думка» (В.И. Даль). Апостол Павел проповедовал волю и ум к вере. Соглашаясь с ним, мне хочется, в свою очередь, выступить в защиту «воли к сомнению». Вне сомнения существует истина Иисуса Христа, ибо богочеловек выстрадал её всей своей жизнью. Многие другие убеждения не являются совершенно истинными, поскольку на них лежит печать неопределённости и возможного заблуждения. В центре всего познания следует поставить слова ап. Павла об «обновлении ума» (Рим 12:2). Обновление как процесс имеет свои ступени, поскольку «внутренний человек» со дня на день обновляется (2 Кор 5:17). Речь идёт, видимо, о постепенном восхождении к высшей жизни. Особенное значение здесь принадлежит именно «обновлению ума». Ап. Павел в Послании к Колоссянам пишет: «Новый человек обновляется в познании» (Кол 3:10). К правде-истине о России ведёт нас религиозная классика. В её свете «безрелигиозно понятая история есть просто бессмысленный поток» (В.В. Зеньковский). Отказываясь от безбожия, можно выковать в себе духовный стержень, памятуя поэтические слова: «Счастлив, кто посетил сей мир / В его минуты роковые». Именно тогда, по апостолу Павлу, можно «Обновиться духом ума и облечься в нового человека» (Еф 4:23). Ибо «мы имеем ум Христов» (1 Кор 2:16). К нам, россиянам, относится упрёк апостола по поводу того, что язычники не имели Бога в познании, не поставили познание Бога в основу всякого познания и потому «осутились в своих умствованиях» (Рим 1:21). Известно, что атеистическая суэта в СССР достигла высшего предела, да и в наши дни она ещё не иссякла.

Россия добилась того, что Русская Церковь стала духовной властью и включена в демократическое пространство жизни, многое делает для смягчения нравов в нашем обществе, которое страдает множеством недугов. Главные из них – несправедливость, насилие и бескультурие.

Какую же истину постигли и осуществляли классики? Истину жизнелюбия и своего бессмертия. У Пушкина, например, было много женщин, любимая жена, семья и дети; он много работал и путешествовал, любил свободу и сочинял свобододолюбивые стихи. Он прославил мудрых государей, которые шли впереди народа.

ГЛАВА 2. «ВОССТАНЬ, ПРОРОК, И ВИЖДЬ, И ВНЕМЛИ...»

«Исполнишь волею моей...»

Пушкинское стихотворение так прекрасно, что невольно хочется заучить его. Оно напоминает озарение, описанное св. ап. Павлом испытание на пути из Иерусалима в Дамаск. Библейские пророки описали бывшие с ними моменты озарения (иначе и кратко). Приоткрытие ими космического разума вызывает восхищение. Поэт-пророк А.С. Пушкин описал момент глобального прозрения прекрасным и совершенным образом; нас удивляют пережитые им метаморфозы, которые происходят в его душе, когда «шестикрылый серафим» касался центров пушкинского сознания.

«Куда ж нам плыть?» Вопрос поставлен в стихотворении «Осень». Эта пора, «очей очарованье» приятна поэту своей «прощальной красотой», приливом здоровья, кипением желаний: «Я снова жизни полн – таков мой организм». В поэтическом воображении возникает образ корабля, и эта «громада двинулась и рассекает волны. /Плывёт. Куда ж нам плыть?» Пушкин помнил о том, что Пётр Великий представлял Россию как символ громаднейшего корабля. И вот уже почти три века петровский государственный корабль совершает очень опасное плавание в мировом океане. А русская поэзия исполняет роль «Пророка», обходя «моря и земли». Участь поэта – «глаголом» жечь «сердца людей».

Многолетнее изучение творений А.С. Пушкина привело меня к выводу об их истинности. Истину можно отождествить с предложениями, которые содержат переменные, правильные в силу не только наблюдаемых фактов, но и фактов ненаблюдаемых. О последних Пушкин говорил обобщённо, а не с ожидаемой конкретностью. Так из одного неоконченного стихотворения мы узнаём, что некие права, свободы и привилегии есть лишь «слова, слова, слова». Поэту же нужны «иные, лучшие... права», ему «потребна» лучшая свобода. Поэт добивается соответствия между убеждениями и фактами, первые истинны тогда, когда указывают на свой объект (См.: «Из Пиндемонти»).

«Громкие права» зафиксировала Конституция РФ, «от коих не одна кружится голова». Россияне несильно ропщат «о том, что отказали боги» им «в сладкой участи оспаривать налоги». Теперешняя налоговая система в своём плоском, а не прогрессивном, виде довольно несправедлива. Спрашивается, когда же мы вслед за Пушкиным скажем: «Вот счастье! Вот права...»? Мне представляется очень важным соответствие высказывания реальному явлению. То, что делает убеждение истинным или ложным, есть факт. Так, многие представители гражданского общества сочли парламентские выборы в декабре 2011 г. сфальсифицированными. Пушкин предлагает нам восстановить *истинную функцию власти*, ей надлежит идти «стезёю правды», а не лжи. Однако посткоммунистическая Россия по примеру Советского Союза продолжает культивировать неправду и иллюзии.

Поставлю вопрос о том, каков *modus vivendi Пушкина*? В переводе с латинского *modus vivendi* означает «образ жизни» и условия, позволяющие устанавливать правильные отношения между двумя противными сторонами. Такие отношения пытаются наладить наиболее разумные люди, составляющие народ, или нацию (по латыни). Он, или она, нуждаются для этого в философии, религии, искусстве и науке. Единство этих форм познания и освоения мира было задано античной цивилизацией. «Любомудрие» Платона выражает не только мудрость диалогов и любовь к мифу, но и стяжание духа, духовную практику. В парадигме Аристотеля родилась «эписистема» как бескорыстное знание. Античная классика сочеталась с народной мудростью, мифологией и религией. От народов Востока, Греции и Рима человечество получило возможность выработать национальные культуры, которые отличаются своей самобытностью.

Платонизм явился «подлинной, родной сферой русского философствования». Так считал философ и священник Сергей Булгаков. Российское самосознание включает в себя и Аристотеля, и римское право, и западноевропейскую философию.

Пушкин нёс в себе также ген африканской культуры, а Лермонтов считал своей второй Родиной Шотландию. Потомки арапа Петра Великого и поэта-прорицателя XIII в. Лермонта отбрасывают провокационный призыв «Россия для этнических русских». Разве есть биологически чистая русская нация? Умозрительно её можно представить, если исключить из неё всех знаменитых деятелей. Русскую принадлежность не станет доказывать полуполяк-полуукраинец Гоголь или Достоевский, имеющий белорусско-литовские корни. Карамзин и Тургенев явились от татар. «Чистокровными русачками» не были Некрасов, поляк по матери, и Бердяев, у которого бабушка француженка. Выдающиеся российские философы Франк, Шестов и Гершензон были евреями, как и художник Левитан, и композитор Рубинштейн. Военные деятели России также отвергают мысль о создании чистой в этническом отношении «русской национальной республики». Кутузов был немецких кровей, Багратион – от грузин, Нахимов – от евреев; мать Деникина – полька, у Корнилова – казашка, Врангель по крови датчанин. Русское национальное самосознание развивали Пётр Струве и Иван Ильин – немцы по родителям.

Я регулярно посещаю Троице-Сергиеву Лавру, в которой философ и священник Павел Флоренский видел энтелехию и воплощение эллинского духа. Мною почитаемы философия немца Лейбница, у которого славянская кровь, и еврея Спинозы.

Я очарован свободолюбием Пушкина. Пушкинское «наше всё» воспело свободу вослед Радищеву. И диалектика заключается в том, что очарование свободы, как цветок, раскрывается на твёрдой российской почве. Пушкин учит нас постоянно сопротивлению господству чиновников, чтобы мы постоянно сознавали то, что свобода ума есть самое ценное из всех благ. Стремясь к свободе, Пушкин страдал подобно Овидию, сосланному из Рима в Молдавию. Пушкинский «Памятник» является подражанием римскому певцу Горацию. Европейская школа свободы для России нисколько не умаляет российское национальное величие. Из свободы пушкинских мыслей вырос целый мир искусства и философии, а также видение красоты.

Русская «российскость» основана на свободе личности, которой нужны свободы ума, мнения и слова. Свободный человек хочет изучать и анализировать, знать и создавать нечто в своей короткой жизни. Даже в условиях тирании свобода интеллекта принадлежала Пушкину одному, и в этом было его преимущество перед жестокими силами, управляющими внешней жизнью. Сегодня русский и нерусский россиянин совершает своё освобождение путём созерцания Рока, путём подчинения своих желаний нравственному кодексу, из которого вырастает добродетель смирения. В своё время это вынужден был делать Пушкин. Ему был совершенно чужд национализм как развитие стадного инстинкта, он был лишён чувства сходства и принадлежности к одной какой-то группе, или стаду.

Истинный российский патриот Пушкин защищал свой разум от «русского патриотизма». Ибо для него превыше всего была широта морального долга, стремящегося к истине. Она утверждает, что любой национализм живёт с ложными представлениями. Пушкин научился служить истине, быть искренним и правдивым в своих мыслях; он избегал приятных мифов и был всеотзывчивым. А пушкинская любовь к человечеству не допускает ни чрезмерного патриотизма, ни чрезмерной русскости. Ибо они, нося характер опьянения, опасны не только для своего Отечества, но и для всего мира. Стало очевидным, что русскость по крови уже не ведёт к росту национального самосознания, а напротив, может возбуждать инстинкты стада и агрессии. Никак не допуская этой крайности, Пушкин был одержим стремлением понять свою полиэтническую страну. И на пути к пониманию появляются объяснения-стихотворения: «Свободы сеятель пустынный...»; «Поэт и толпа»; «Бесы»; «Мадонна» и многие другие. Между двумя мирами всегда Спаситель и Богородица; «чувства добрые», призывы милости к падшим, Веления Божии...

Характерно пушкинское приветствие в адрес молодого поколения, приходящего на смену отживающему: «Здравствуй, племя, младое, незнакомое». Этим обращением Пушкин выразил ощущение самой болевой точки России: запоздалость прихода на вершину государственной пирамиды свежих, молодых и компетентных правителей. Речь идёт не только об индивидуальных перспективах лучших и сильных россиян. Речь идёт о самом существовании российской государственности, которая должна развиваться посредством своевременной смены поколений всех управленцев, в первую очередь, тех, кто входит в правящий класс. Сам дух пушкинской философии ориентирован на незнакомое и моло-

дое. В этой социальной ориентации политики – основное противоядие старению российского общественно-политического «организма».

Почему злободневно «уважение к минувшему»?

История всегда интересовала меня; она интересует многих. Мы принимаем какую-то общую схему исторического развития. Что касается меня, то я долгое время придерживался формационной теории Маркса. Она названа «пятичленкой»: первобытнообщинный строй, рабовладельческая, феодальная, капиталистическая и коммунистическая формации. Я перестал быть ортодоксальным марксистом-ленинцем. Теперь я не считаю, что все человеческие феномены происходят главным образом из материальных и экономических условий. Не думаю я также, что главным двигателем истории является классовая борьба. А что же тогда?

Пушкин обращает внимание на историю цивилизации и на появление христианства. Он признаёт прежде всего мировую историю, а после национальную. В черновом тексте Записки «О народном воспитании» Пушкин говорит об историческом творении Н.М. Карамзина, как об «алтаре спасения, воздвигнутого русскому народу». Он оценивает этот труд и как «вечный памятник». Мы вопрошаем всемирную и российскую историю. Тайну этого вопрошания раскрыл прот. Георгий Флоровский в книге «Пути русского богословия», где говорится о «завете прошлого: это «наша ответственность за прошлое, наше обязательство пред ним...». Если же мы бросим взгляд на наш «алтарь спасения», то напутствием могут быть слова автора: «Подлинно исторический синтез не только в истолковании прошлого, сколько в творческом исполнении будущего».

Так, Н.М. Карамзин, автор «Истории Государства Российского», предлагает теоретическое воззрение на Россию в консервативном контексте, его выводы из исторического анализа консервативны. Но тут же возникает вопрос: «А какими могли быть прогрессивные взгляды по поводу древней русской истории?» На этот вопрос мы не имеем истинного ответа по сей день. Мы можем вслед за Карамзиным характеризовать самодержавие как хранителя («палладиум») и гаранта российского единства и благополучия народа, ибо оно было всеобщим фактором целостности страны, воплощением «совести в сердце монарха».

Карамзин видел в самодержавии отеческое правление, которое призвано поддерживать общественное спокойствие, порядок и стабильность. Можно спорить о том, какой по преимуществу должна быть единоличная власть – консервативной, охраняющей или же творческой, новаторской. Карамзиным приоритет отдавался «более мудрости охранительной, нежели творческой».

Пушкин же подчеркнул особо значение имперского творчества Петра I. Оно осуществлялось не только русскими, а россиянами. Русские как раз и ожили, возродились в молодом теле Империи; они примкнули к мощному преобразованию, превратившись в россиян вместе с другими народностями, вошедшими в её состав. Из душевного тела Московии стало расти душевно-духовное тело России. Поэтом сказано: «Прорезываться начал дух, /Как зуб из-под припухших дёсен». Чудотворный строитель Пётр Великий явился проводником воли Провидения. Подобно грозе он принёс стране очищение. Перед Полтавской битвой Пётр, как проводник небесного предначертания, выходит из шатра... «...Его глаза /Сияют. Лик его ужасен. /Движения быстры. Он прекрасен. /Он весь, как Божия гроза».

Исторический процесс есть прежде всего борьба между разрушающим и творческим началами жизни. Само же творческое начало, считал С.Л. Франк, «не ограничивается творением новых, высших, лучших форм, оно действует уже и в *сохранении достигнутого*, то есть в ограждении его от гибели». Правдоподобно суждение о том, что прогрессивная и консервативная тенденции являются двумя взаимосвязанными сторонами развития, двумя полюсами единого жизненного творчества, его стационарности, когда в старом состоянии пребывает итог непрерывных творческих усилий.

Пушкин, вдохновлённый духом философии, высоко оценил акцент Карамзина на добродетели терпимости и искренности. В отличие от обществоведов, одержимых идеологической нетерпимостью, воинствующим атеизмом, они терпимо относились к разным

религиозным, политическим и философским взглядам. Мне представляется ценным взгляд Карамзина, открывшего, подобно Колумбу, древнюю Россию (мысль Пушкина), поскольку наша современность воспроизводит некоторые исходные начала, то есть совершается некое обратное движение к древности.

Обратное интеллектуальное движение к прошлому очень ценно в познавательном отношении. Об этом говорил Пушкин: «Уважение к минувшему – вот черта, отличающая образованность от дикости...» (А.С. Пушкин. ПСС. Т. 11. М., 1996. С. 184).

Возврат к этой дикости происходит вновь и вновь. Евразийцы восторженно восприняли уничтожение петровско-пушкинской цивилизации. Большевики с ещё большим восторгом уничтожали памятники дореволюционной культуры. Радикал-реформаторы обрушились, словно варвары, на советскую цивилизацию. И здесь уместно напомнить о споре *Чаадаева и Пушкина*, о совместном обсуждении ими проблемы российской цивилизации, её истории и значения. Для философии П.Я. Чаадаева (1794-1856гг.) основной темой была историческая судьба России. Эта же тема занимала внимание и А.С. Пушкина. Они находились под влиянием двух исторических событий: победы России в войне с Наполеоном в 1812г. и поражения восстания декабристов в 1825г. Друзей искренне волновало также довольно грустное состояние общественной жизни. Оно, по словам Пушкина, поистине могло привести в отчаяние. И об этом Чаадаев сказал громко и открыто. Самодержавие охарактеризовало это как сумасшествие.

Чаадаевские «Философические письма» сыграли огромную роль в развитии политической мысли России, по образному выражению А.И. Герцена «разбившие лёд после 14 декабря». Чаадаев в 1828-1831 гг. работал над главным своим произведением, в котором историческая судьба России понималась как соединение прошлого, настоящего и будущего. Чаадаев писал: «Мы живём одним настоящим... без прошедшего и будущего». Он строил идеальную модель Запада. Она воплощала собой тройственное единство: религии, культуры, нравственности; она приобрела правильную форму цивилизации и достигла общественных идеалов. Россия же, приняв христианство от Византии, «презираемой всеми народами», оказалась словно в промежуточном положении, будто бы серединой магнита, который не есть ни минус, ни плюс. России было нужно, по мнению Чаадаева, в ускоренном темпе, но вполне сознательно повторить все этапы, пройденные Западной Европой.

Чаадаев считается первым видным русским западником. Находясь в Западной Европе, он воспринял западный либерализм и стремился водворить в России начала европейского просвещения. Но обстоятельства привели его к разочарованию и осуждению России: «Мы ничего не восприняли из преемственных идей рода человеческого», поэтому страна сильно отстала от Запада.

В спор с Чаадаевым вступил его друг Пушкин. 19 декабря 1836 г. он пишет знаменитое «Письмо П.Я. Чаадаеву». В нём признаётся самобытность русской истории и то, что она требует для её понимания «другой философии, чем история христианского Запада». Согласно пушкинскому подходу, русская христианская история может представляться «нечистой» лишь с догматической католической точки зрения. Ввиду единства человечества не должно быть деления на «чистую» и «нечистую» историю. Аргументация Пушкина очень убедительна, ибо доказывается фактами служения России общим европейским интересам (например, в периоды монгольского и наполеоновского нашествия).

Однако в XIX в. Россия поистине задыхалась в душливой атмосфере самодержавного режима, преследовавшего даже Пушкина. Тем не менее, он заявляет: «...клянусь честью, что ни за что на свете я не хотел бы переменить отечество или иметь другую историю, кроме истории наших предков, такой, какой нам Бог её дал». Какой это глубочайший вывод. В пику ему многие часто третируют историю, то древнюю, то царскую, то советскую, считая их или ошибками, или тупиками. Но такие оценки под силу делать не человеку, а Высшему разуму. Для человека же истинное или ложное то, что соотносится с фактами, а не с убеждениями. Истина о России должна соответствовать реальностям самой страны, а не представлениям о ней.

Интересно, что в сороковых годах XIX в. в чаадаевских оценках России и смысла её бытия происходит существенная перемена. Недостатки могут послужить залогом будущего величия России, «если только она правильно уразумеет своё призвание» и возьмёт на себя «инициативу проведения своих великодушных мыслей». Истинное в споре

двух друзей было то, что соответствовало реальной истории через обращение к событиям и фактам.

Историософский взгляд Пушкина имеет продолжение в важном сближении. Каким же?

Как сочетать органичность с прогрессивностью?

Чутко чувствовали российскую судьбу А.С. Пушкин и А.И. Герцен. Они отождествляли её с раздвоенностью по разным направлениям, включая западное и восточное, а также российскую идентичность и её сокровенную самобытность. Зов исторического «кода» подсказал думающим людям в первой половине XIX в. назвать родившиеся направления русской общественной мысли словами «славянофильство» и «западничество». Если второе обозначение кажется всё-таки оправданным, то первое более чем неудачно. Г. Флоровский отметил, что имена «славянофильство» и «западничество» – очень неточные, только подающие повод к недоразумениям и ложным толкованиям.

Почему же? Во-первых, потому что генетическая «русскость» не есть масштаб «славянства». Во-вторых, славянские страны постоянно утверждают свою самостоятельность, обосновывают свои особые духовно-идеологические устремления и геополитические ориентиры; и это оправдывается отличиями между славянскими народами. В-третьих, со времён ветхозаветных «братские отношения» выступают в качестве противоречивого социодуховного феномена. В Ветхом Завете первое убийство – это братоубийство, Каин не смог вынести рядом с собой брата Авеля, возревновал его к Богу. Комплекс ревности, притяжения и отталкивания непреодолим; замечено, что гражданские и религиозные войны по личному ожесточению превосходят войны между государствами.

Пусть остаётся неудачное понятие «славянофильство» для Клио, нам же для научного анализа потребно понятие вроде русизма, русистской органичности. Они вбирают в себя главное начало России, её самобытность. Огромную работу над русским языком проделал М.В. Ломоносов. Литературную реформу языка произведёт Н.М. Карамзин. Но суммарно представить «русское начало» сумел Пушкин, стоящий на вершине всей европейской культуры.

Так называемые «славянофилы» и «западники» в личном плане по-своему высоко оценивали Россию. Но для одних была особенно дорогой первая её сторона – органичность и самобытность, а для других – способность России соответствовать умственному прогрессу или даже «стоять впереди» его. В наши дни весьма актуально напомнить и о тех «западниках», вроде поэта Алмазова и философа Печорина, у которых ненависть к России вела к отрицанию всех положительных начал. Стоит напомнить о признании Алмазова в том, «как сладостно отчизну ненавидеть и жадно ждать её уничтоженья». У этого поэта и у ненавистника Печорина окажется к концу XX века много единомышленников. В отношении западников к России часто примешивается ненависть к отрицательным моментам русского быта и к народному невежеству. Эта неприязнь выразится в удручающем духе Смердякова: «Я всю Россию ненавижу-с».

Впервые В.Ф. Одоевский сформулирует мысль о русской идее, как о синтетическом примирении всех идей. Позже эту мысль станет отстаивать страстно Ф.М. Достоевский. Идея о целостности духа окажется в центре славянофильской философии. А.С. Хомяков сформулирует свою излюбленную мысль: в познании отдельный человек, в отрыве от совокупности мышлений людей, объединённых единой любовью, рассыпается в противоречиях и неизбежно вступает на путь вражды. Целостная истина доступна человеку постольку, поскольку он *причастен* Церкви, вне Церкви он способен усваивать лишь *частные* истины с маленькой буквы, а вместе с «церковным разумом» индивид познаёт всецелую истину, а не «полуправду», легко обращающуюся в «неправду». Отсюда вытекает понятие «соборности».

Соборность придаёт стройность мысли о братстве, солидарности и смирении как главных чертах русского духовного характера. Русистская самобытность возводит начало соборности в степень общего метафизического принципа бытия. Поэтому оно не тождественно с «коллективизмом», безликим и однотонным. Если последний можно перевести на другие языки словом «коммунитарность», то синтетическая «соборность» неперево-

дима на другие языки, так как является образцом для общества, свободного и органического единства множества культурных личностей. Для них главное свобода – духовная, гражданская и политическая. Но «без денег и свободы нет» (Пушкин). Всю остроту этого парадокса суждено переживать России в начале XXI века.

А что на Западе? Здесь большинство людей составляет средний класс. Он больше занят хлебом насущным и личными интересами, чем высокими предметами, с которыми имеют дело историки и философы. Западное гражданское общество подсказывает правительствам, как могут быть достигнуты некоторые наиболее важные цели, такие, например, как благосостояние и общественное согласие.

Искание золотой середины

Пушкин разрабатывал «философию своего Отечества»; он один из основателей отечественного мирозерцания. Говоря его словами, он создан был действовать очень сильно на просвещение своего Отечества, быть прекрасным украшением его поэзии и его философии «среднего». Одарённый исключительным чувствованием и размышлением, Пушкин не пошёл по пути абстрактного философствования по примеру Канта и Гегеля. В истории философии мы находим скорее истории исследовательской мысли, которая решает проблемы самого мышления или лучшего использования нашей власти над силами природы. Философствование означает само по себе «любовь к мудрости» и желание избавить людей от катастроф.

Философия Пушкина – особого рода, далёкая от общих рассуждений и универсальных категорий. Она – мировоззрение его Отечества, вобравшее в себя глубину чувств и разума относительно России. Он страстно стремился воплотить то, что представало вначале в виде неясных чувств и мыслей. Как и других людей, Пушкина влекла неуловимая красота бытия; он уходил прочь от стабильности к мукам творчества, от желания выгоды к мыслям о России. Поэтому философию Пушкина можно отнести к типу художественной философии. Она – поразительно дифференцирована (идеи касательно политики, культуры и воспитания). Достаточно сослаться на его суждение о необходимости постепенных изменений в России; эта научная гипотеза стала истиной лишь к началу XXI века, получившего страшные уроки революционных потрясений и насильственных перемен. Весьма актуальна пушкинская трактовка научной проблемы народного воспитания.

С учётом всего пережитого нашей страной за последние два века, мы имеем возможность характеризовать Пушкина как создателя философского россиеведения. Ему принадлежит первенство в осмыслении российской целостности. Пушкин, в частности, думая о княгине Ольге, увидел её взгляд на будущую Русь как становление «целого». Пушкинское философствование стремилось понять весь мир и место Отечества в нём. Место это – срединное.

Известны слова Александра Блока: «Пушкин!.. Дай нам руку в непогоду, помоги в немой борьбе!». Это обращение прозвучало тогда, когда Россия переживала вторую антинациональную смуту (1917-1922 гг.). В народной памяти встала первая смута на рубеже XVI-XVII вв., отобразённая в пушкинской трагедии «Борис Годунов». Явно вопреки предупреждениям Пушкина Россия пыталась решить свои проблемы посредством революции. В 90-е годы XX в. – новое историческое распутье. Россия загромождена нерешёнными проблемами, ни к чему существенному внутренне не готовая.

В сознании и в обиходе россиян продолжает жить Пушкин. С ним мы сравниваем свои чувства, мысли и действия, ибо он гениально угадал начала и судьбы нашего Отечества. Одна пушкинская строка как нельзя лучше подходит к современности. Вот эти горькие слова: «Нужно признаться, что наша общественная жизнь весьма печальна. Это отсутствие общественного мнения, это равнодушие ко всякому долгу, к справедливости и правде, это циничное презрение к мысли и к человеческому достоинству действительно приводят в отчаяние».

С именем Пушкина русские мыслители связывали особую спасительную традицию. И.А. Ильин скажет так: «Что пребывает в ней, то ко благу России, что не вмещается в ней, то соблазн и опасность». Суть этого спасения в том, что в духовно-жизненном пути Пушкина просматривается духовный путь России. Знаменательны его рождение в День

Вознесения Господня и венчание в храме «Большое Вознесение». То, что вело Пушкина в жизни, была его слитность с Высшим началом, с Россией – её историей, народной стихией и драмой власти. В зрелом возрасте, по его словам, «сердце заговорило с умом словами небесного откровения»...

В Пушкине признали пророка его современники – Е.А. Баратынский, Н.В. Гоголь, А. Мицкевич, который назвал пушкинское стихотворение «Пророк» автобиографическим произведением. В 1880 г. Ф.М. Достоевский разъяснит России и миру Пушкина как явление потрясающего религиозного смысла и национального предназначения.

Пушкин – пророческое явление. Такая оценка, конечно же, удивила общественность, и она сказала: «Нет пророка в своём Отечестве». Вот был Маркс – это да. В России одержат верх ложные идеи и злой дух революции. Столь неблагоприятный исход для своих мыслей Пушкин предвидел: «...постигнутый неумолимым роком /В своём отечестве престал ты быть пророком». В революционной России действительно возобладали антипушкинские идеология. Гениальный поэт ещё не признан в качестве пророка.

Воскрешение пушкинского духа, тождественного духу российскому, неизбежно. Пушкин даже уверен в этом: «Быть судией, наблюдателем и пророком веков и народов казалось мне высшею степенью, доступной для писателя». К этой высшей ступени ведут и ум, и сердце, и вера. «Ум, – пишет Пушкин, – не пророк, а угадчик». Разум способен видеть общий ход вещей и делать из него глубокие предположения. Пушкин создаёт философию сердца, принимает живую веру.

Однако что такое пророк? «Библейская энциклопедия» считает: к пророкам принадлежат, «во-первых, люди, предсказывающие будущее; во-вторых, лица, возвещающие людям слово назидания, увещания и утешения, по особому внушению Св. Духа». К Пушкину это имеет прямое отношение. Недаром в его «Пророке» исповедь ведётся от первого лица: речь идёт об опыте внезапного преображения, о его признаках. Хотя пушкинское признание совершенно лично, но оно обладает универсальностью.

Нам, россиянам, особенно близко то, что Пушкин сам пережил, и то, что преображения свершаются во все века и, видимо, со многими людьми. Нас воодушевляет пушкинская целостность и гармония, которая особенно актуальна в свете наступившей новой эпохи. Человечество пытается выработать такую модель своего бытия, которая предполагала бы целостность и гармонизацию разнонаправленных императивов мирового развития. Россия же ищет свою середину.

Дремавшие идеи Пушкина, подобно дремлющим генам, пробуждаются, когда их среда, то есть ноосфера (мировая информационная система), становится благоприятной для их прорастания и роста. В теперешней России пробудился и развивается «ген» веры, надежды на преображение. Он присутствует во всём его творчестве, которое представляет собой *золотую середину России*.

Будучи по своей сути медианной, *пушкинская философия является противоядием страданиям, тревогам и страху*. Вот стихотворение «Анчар». Оно имеет глубокий смысл. Размышляя о нём, позволим себе ввести в интеллектуальный оборот два понятия: «социальный яд» и «социальное противоядие». Б. Расселом было высказано мнение о том, что философия, расширяя мышление, создаёт «противоядие тревогам и страданиям нашего времени и делает возможным то приближение к спокойствию, на которое способен чуткий разум в нашем измученном и неуверенном мире». Трудно сказать, особенно нам, россиянам, что мы приблизились к спокойствию. Напротив, наша страна вступила в войну с международным терроризмом, она пока безуспешно борется с коррупцией.

Главная причина нарастания у нас жизненного трагизма в XX-м и в начале XXI-го века – это полное забвение власти имущими пушкинских предупреждений и советов. Правители то и дело склонялись не к добру, а ко злу; они предпочитали обман не во благо людей, а во зло. «Социальный яд» накапливается – и по этой причине, и по конкретным поводам возбуждения ненависти к внешним врагам. А внутренний враг сильнее внешнего.

Пушкин считал: «...Одна любовь даёт нам полное разумение». Ненависть, очевидно, умножает несправедливости и ведёт к унынию. Понятно, что любовь нельзя осуществлять как обязанность, но зато можно для её появления вызывать добрые чувства и дела. Пушкинская любовь сродни христианскому пониманию милосердия. С их помощью воз-

можно культивировать моральное поведение и созидательную деятельность. Пушкин искал золотую середину России и, видимо, догадался, что он сам есть и останется российским медиумом.

Импульсы против односторонности

Первый импульс морали: «С надеждой, верою не унывай». В пушкинские раздумья постоянно подключался вопрос: что даёт силы России выдерживать безмерные испытания? Поиск поэта, историка, мыслителя возвращает его к христианским и мусульманским традициям народа России. Вера, надежда и любовь есть триединая сила жизни, в них удивительно простое, доступное всем людям содержание. И надо же было «додуматься» создать в стране оковы, опутывающие веру, разум, свободу выражения чувств, инициативу и совесть людей. Уродовали нравственность казённая идеология, воинствующий атеизм и классовая ненависть. Ныне уродует мораль всевластие денег, осуществляемое бюрократией и плутократией.

Ответ на вопрос: «Что делать?» можно получить, попытавшись объяснить, что именно произошло с Россией. Пушкинские мысли подводят нас к картине проявления фундаментальных законов Духа – Страдания и Радости, Возмездия и Покаяния. Сам поэт глубоко переживает эти начала бытия.

Вслед за Пушкиным следует безусловно признать неумолимые факты действия указанных законов. И если только один факт – гибель десятков миллионов россиян – «взорвётся» в нашем сознании, только тогда мы получим веру и право на надежду. Пушкин напутствует россиян словами: «С надеждой, верою весёлой /Иди на всё, не унывай». Его вера не нуждается ни в иллюзиях (мы же по сей день предаемся им), ни в уходе в сторону от суровой действительности (многие же спешат укрыться от грозного вида жизни). Нас может поддержать мудрость и мужество Пушкина, с какими он принимал трагизм существования.

Тайна открыта в «Пире во время чумы»: «Всё, всё, что гибелью грозит, /Для сердца смертного таит /Неизъяснимы наслажденья – /Бессмертья, может быть, залог!» В этих словах – призыв к мужеству, к борьбе и надежде именно в той ситуации, когда в бессилии и отчаянии опускаются руки. А это оттого, что люди не разгадывают тайну жизни. Пушкин всем своим творчеством утверждает вечную надежду: стучащемуся – откроется и ищущий – найдёт.

Второй этический импульс: «Оживи дух любви и смирения». Поразительно разнообразен у Пушкина смысловой спектр слов «любовь» и «любить». Любовь к женщине, к семье неотделима у него от любви к родной земле, Отечеству. В этом – исходная точка, в которой сосредоточена суть человека. Воспевая любовь во всех ипостасях, русский гений указывает своему народу верный путь к духовности.

В образе «родного пепелища» видится периодически восстанавливаемая Россия; оно есть также, по В.И. Далю, наследование дома, жилище, родной очаг, земля. В толковании «родного пепелища» в контексте любви сохранён дух Св. Писания, где слово «дом» встречается чаще всего – 862 раза. Для сравнения – слово «небо» упоминается около 200 раз. Библейская мудрость домашнего устройства дивно близка россиянам.

Хранители любви к своим предкам суть живые образы Отечества. Достаточно напомнить об «оживлении» образов Александра Невского, Суворова, Кутузова в Великую Отечественную войну. Пушкин ставил своей задачей обновление и прояснение заветов Петра Великого в сознании россиян. Иначе – легко занять такую неумную позицию по отношению к Российской империи, какую заняли большевики и радикальные реформаторы. Нравственная философия Пушкина требовала отозваться о петровских указах, которые «...кажется, писаны кнутом».

В самой глубине пушкинских мыслей о философии любви скрыта тайна понимания им дилеммы: «Отечество или Свобода». Поэт мучительно решал вопрос: что лучше – Родина или свобода? Россию он не покинул, а благожелательное покровительство самого императора («буду твоим цензором») не означало ни обретения свободы творчества, ни охранения личной жизни. В какие-то тяжкие моменты Пушкин произносит слова о печальной участи «родиться в России с душой и талантом», но нельзя было порвать родство

свое со всем народонаселением. Его умиляет молитва: «И дух смирения, терпения, любви /И целомудрия – мне в сердце оживи».

Третий этический импульс: «Стезёю правды следуй». Этим изречением Пушкин угадал истину российской устойчивости. Без решения вопроса: «Что есть правда?» страна не способна устраиваться. И власть тогда прочна, когда она следует за правдой, признанной народом. Если пропадает национальное сознание по этому поводу, то государственное дело запутывается. Где истоки огромного зла, которое называют Смутным временем? В трагедии «Борис Годунов» освещён конфликт между правдой и неправдой. С одной стороны, царь Борис, несправедливая власть, а с другой – народ, не принимающий «царя-Ирода», носителя несправедливости. К мести и массовым убийствам призывает Самозванец. В народной массе просыпается страшное зло. Пушкин отверг целесообразность жестокого насилия как со стороны власти, так и со стороны черни. Последовало грозное предостережение: Россия не смирится с несправедливой властью. Хаос наступает после угасания в умах людей идеи крепкой власти и желания правды.

Ничто не было так ненавистно Пушкину, как обман. Лишь один пример. От первого свидания с Николаем I зависела вся дальнейшая судьба певца свободы. Он мужественно признался царю, что если бы он был в Петербурге, он не мог бы отречься от своих друзей и принял бы участие в восстании декабристов. Русские мыслители пояснят, что надлежит понимать под «правдой». Значение этого русского слова непереводимо на другие языки в полной мере. Оно означает одновременно «истину», «моральное и естественное право» и «справедливость». Для Пушкина «правда» – это соответствие мысли и поступка действительности, это, прежде всего, порядок, основанный на праве, законе, справедливости.

Власть, обдуманная глубоко, сочетается с законом, но и закон может быть несостоятельным и вредным. Не будет страдания там, «Где крепко с Вольностью святой /Законов мощных сочетанье».

Когда гибнет дворянство, столь ценимое Пушкиным сословие? Когда оно предаётся привилегиям, забывая свой долг перед Отечеством. По этой же причине номенклатура ответственна за крушение коммунистического режима. В узле правды и неправды раздела собственности затаилась огромная беда для обновляемой России. Избавиться от смертельной опасности можно, если наш путь определяют пушкинские напутствия: «...чистой душою /Правду блюсти...»; «...презираю обман, /Стезёю правды бодро следуй...»

Четвёртый импульс: «Односторонность есть пагуба». Пагуба – страшное слово, означает гибель или то, что ведёт к гибели. После поражения декабристов Пушкин заметит: «Односторонность есть пагуба мысли». Качество пушкинского образа мыслей – вполне конкретно-реалистическое, не связанное какими-либо партийно-политическими догматами. Его гением угадана, пожалуй, великая разница между истинным свободолобием и смертоносным радикализмом, между государственным консерватизмом и партийной реакционностью. Сегодня для нас очень актуален опыт Пушкина, *синтезирующий либерализм и консерватизм, западничество и почвенничество*. Да и всё человечество учится драматической гармонизации противоположных императивов – неолиберализма и традиционализма.

«Да, человек должен быть свободен», – утверждает Пушкин. И тут же добавляет: «в пределах закона, при полном соблюдении условий, налагаемых обществом». Убедителен у него и консерватизм. Как принцип он есть «историческая почва», российская «почвенность». Конкретнее – это сознательное почитание родословной, Отечества, Родины, дома. Именно пенаты учат всех «науке первой: чтить самого себя». В таком толковании традиции духовной идентичности неотделимы от вольности, свободы, а новизна сочетается с сохранением национальной и христианской культуры.

Пушкин угадал грядущий раскол здоровой синтетической идеи России. Он усмотрел в нём смертельную опасность для Отечества. Оступившийся в 1917г. народ поплатился тяжелейшим историческим испытанием, которое продолжается в иной форме и в наши дни. Казалось бы, плюрализм и многопартийность – выстраданное дело. Однако партийные споры и ссоры обнаруживаются и в структурах власти. А всё «левое» и «правое», всё одностороннее в мыслях несёт в себе несостоятельность для государственности.

Удастся ли на этот раз России пережить смертоносные крайности? Пожалуй, да, если здравомыслящие интеллектуалы сумеют прояснить завет Пушкина: «односторонность есть пагуба мысли» в сознании публики.

Пятый импульс: «Быть человеком благоволения». Пушкин понимал: не всё измеряется в понятиях политики, права и закона. Существенный элемент жизни – нравственное сознание, улучшение нравов людей. Но «выше нравственности», считал он, «поэзия или по крайней мере совсем иное дело». Для пробуждения в народе «чувств добрых» Пушкин отстаивал триаду, которую можно сформулировать как истина, добро и красота.

Пушкинские персонажи спорят. Бертольд: «Золота мне не нужно, я ищу одной истины». Мартын: «По мне чёрт ли в истине, мне нужно золото». Поэт: «Я говорил пред хладною толпой /Языком Истины свободной, /Но для толпы ничтожной и глухой /Смешон глас сердца благородный».

Ничем так существенно не определяется достоинство человека, как добрым отношением к другим людям. Пушкин оставил нам формулу добра, призвал быть «человеком благоволения», незлобивым. Нет смысла искать каких-то воплощённых носителей зла. Злые помыслы гнездятся в сердцах людей, и нет ничего более сложного и более важного, чем исцеление человеческого сердца. Пушкин говорит нам: можно быть идеалистом и верить в правду и добро, но надо оставаться и реалистом, глядеть жизни прямо в глаза. Тогда откроются те элементы, которые примиряют невидимые идеалы с видимой действительностью – беспощадной и жестокой.

От этики шестой импульс: «Без денег и свободы нет». Весь драматизм «свободы творчества» ощущал на себе первый поэт России, каждодневно чувствуя беспощадную власть денег. Денежный гнёт вызывает в Пушкине скорбные мысли о зле этой власти. Знаковая фигура Германа из «Пиковой дамы» является предвестием нашего времени, когда добро заменяется злым расчётом, игровой риск уступает место повальному мошенничеству, а волевое начало – надежде на чудо.

Всё же творческими, позитивными импульсами можно ослаблять желания и импульсы, связанные со стремлением к обладанию богатством. Поэтому «всё должно творить в этой России». Именно творческая личность есть гуманизм в высоком пушкинском понимании. Не человек, как страдающий индивид, который нуждается в спасении религией или коммунизмом, не человек, преследующий только свои интересы, каким его видит буржуазное общество, а человек, создающий материальные и духовные блага. Но они имеют и денежный эквивалент. Многозначимы слова «книгопродавца», с которыми Пушкин солидарен: «Внемлите истине полезной: /Наш век – торгаш; в сей век железный /Без денег и свободы нет».

Невероятную ценность приобрели в наши дни рукописи Пушкина: 13 их листочков на аукционе в Лондоне стоили 1 млн. долларов. В Пушкинском доме хранится таких листочков 12,5 тысяч. Но даже эквивалентная стоимость солидного банка ниже духовного сокровища Пушкина.

От этики идёт седьмой импульс: «Любите самого себя». Пушкину была особенно дорога идея о достоинстве человеческой личности. Но он далёк от какой-либо идеализации природы человеческой. Им поддержана мысль Н. Макиавелли о том, что «Человек по природе своей склонен более к осуждению, чем к похвале». С горечью он также отмечал: «Давно девиз всякого русского есть чем хуже, тем лучше»; «Мы в сношениях с иностранцами не имеем ни гордости, ни стыда» (из писем П.А. Вяземскому.)

Все мрачные стороны человеческого бытия приковывали внимание Пушкина. Но вглядываясь в ужасы действительности, он видел: побеждает часто не грубая эгоистическая сила, не бессердечие и жестокость, а глубокая и скрытая вера в человеческое достоинство вообще и в достоинство каждого человека. Примечательно также пушкинское отношение к знаменитому Вольтеру: во всё течение долгой своей жизни он никогда не умел сохранить своего собственного достоинства.

Пожалуй, не без иронии нам слышится призыв: «Любите самого себя, /Достопочтенный мой читатель! /Предмет достойный: ничего /Любезней, верно, нет его». Очевидно, без иронически-любовного отношения к себе обойтись нельзя. «Незави-

симось и самоуважение одни, – заметил Пушкин, – могут нас возвысить над мелочами жизни и над бурями судьбы».

Восьмой этический импульс: «Исполнить свой долг». У Пушкина надо учиться самому главному: исполнению долга. Перед Высшим разумом. Перед Отечеством. Перед предками. Перед семьёй, детьми. В своей жизни Пушкин достойно исполнил свой долг писателя, гражданина, патриота, отца семейства, друга, порядочного человека. В пушкинском творчестве мощно звучит тема «служения», «долга», «исполнения обязанностей».

Пимен: «Исполнен долг, завещанный от бога /Мне, грешному... Отец – Бог наказал меня за то, что слабо /Я выполнил отцовский долг».

Упоминал Пушкин и о долге писателя, и о службе («Но службы долг зовёт меня»), и о том, что «деньги надлежит выплатить», и, в конце концов, придётся заплатить последний долг природе (умереть).

В контексте служения и долга подключено чаемое Пушкиным соединение государства и вольности. «Певцом империи и свободы» назвал его философ Георгий Федотов. В парижском издании (1937г.) он писал: «Россия не будет жить, если не исполнит завещания своего поэта, если не одухотворит тяжесть своей вновь воздвигаемой Империи крылатой свободой». Так и случилось: Советский Союз, будучи многонациональной империей, не одухотворился пушкинской свободой. Быть может, это удасться обновлённой России? Задача синтеза державы и свободы, поставленная нашим пророком, теперь ещё более актуальна, чем когда-либо.

Девятый импульс: «Улучшая нравы без потрясений». Особенности пушкинского пророческого гения – это предупреждения о грозящих опасностях. Ныне они на слуху: о «русском бунте», «не должно торопить времени», надо избегать «насильственных потрясений политических, страшных для человечества». Неразрешённым остаётся вопрос из «Медного всадника»: «Куда ты скачешь, гордый конь, /И где опустишь ты копыта?» В программе размышлений «О дворянстве» сделана запись: «Устойчивость – первое условие общественного блага. Как согласовать её с бесконечным совершенствованием?». С огромным напряжением шло это согласование в XIX в. А в XX в. революционная Россия отбросила указания пушкинского разума. Он говорит: «Всё внезапное вредно. Глаз, привыкший к темноте, надо постепенно приучать к свету. Природного раба надо постепенно обучать разумному пользованию свободой».

Российские властители не принимали пушкинскую мысль: творить добро людям, которыми правишь, а не изменять насильственно образ жизни огромной страны. Именно от поспешности и насильственных потрясений Пушкин нас предостерегал. Необходима забота о мирной непрерывности культурного и политического развития. Во-вторых, нужно знание меры всему: распространение просвещения, выработка в себе чувства меры. В-третьих, нужна личная независимость, свобода и нестеснённость духовной жизни и творчества.

Нам надо по Пушкину учиться видеть Россию, постигать её сущность и её судьбы. Как никогда современны его суждения: «Дух века требует важных перемен». «Без законной власти, блюдушей общую жизнь народа, не было бы ни родины, ни государства, ни его политической мощи, ни исторической славы, ни развития». «В такой стране, как Россия, ...массы требуют мощного направляющего воздействия, – в такой стране власть должна быть объединяющей, гармонизирующей, воспитывающей...»

Десятый импульс идёт от народного воспитания. Ему посвящена Записка, адресованная императору Николаю I. Над ней поэт много работал, о чём говорят отдельные наброски и черновые тексты. Если бы не дата написания (1826г.), то можно было подумать, что многие строки написаны сегодня. Вот, например, начало Записки: «Последние происшествия обнаружили много печальных истин. Недостаток просвещения и нравственности вовлёк многих молодых людей в преступные заблуждения». Актуально звучит также мысль о том, что «влияние чужеземного идеологизма пагубно для нашего отечества». Достаточно напомнить о реализации в 90-е годы XX в. учения Чикагской школы экономистов. Более показательного примера идеологизма трудно найти.

Как во времена Пушкина, так и в XXI веке, существует необходимость «преобразовать воспитание юношества» в духе гражданственности, противодействуя влиянию «чужеземного идеологизма». Печально, что «политические изменения, вынужденные у других народов силою обстоятельств и долговременным приготовлением (но у нас ещё не

требуемые ни духом народа, ни общим мнением, ни самой силой вещей), вдруг сделались у нас предметом замыслов и злонамеренных усилий». Главное в воспитании Пушкин усматривает в получении понятий о справедливости, о взаимных отношениях людей, об истинной чести. Разве эти понятия не составляют золотое сечение морали? Ответ нам ясен. Эта ясность раскрывает перспективу восстановления вместо торгашеской социальной психологии нормального нравственного состояния.

Пушкин – российский выбор

«Нет, весь я не умру...» – написал Пушкин. Действительно, пушкинская «душа в заветной лире» пережила прах и избежала тленья. Жизненность его духа бесспорна. Ибо Пушкин любезен российскому народу, своей лирой он пробуждал «чувства добрые» и восславил Свободу в жестокий век крепостничества. Оно было отменено имп. Александром II лишь в 1861 году. Пушкинский факел Свободы продолжал светить. Он освещал творческий путь Гоголя, Тургенева, Л. Толстого, Чехова, поэтов Серебряного века. «Мой Пушкин» – признавались в этом Блок, Цветаева, Есенин, Ахматова.

Поэзия Пушкина была востребована российским Модерном, который начался чуть позже западного и до сих пор, наверно, длится. Она столь современна, что россияне ощущают её живое присутствие; Пушкин будто всегда рядом. Настолько совершенно и актуально его слово, что кажется, будто стихотворения рождаются сейчас и здесь же. В этом тайна и пушкинской поэзии, и теоретического осмысления.

Столетний юбилей памяти Пушкина, который отмечалась в 1937 г. первая русская эмиграция, преодолевал её отчуждённость от Родины. Через поэта-пророка эмигранты обретали единство, смысл своего вынужденного существования и недостающую волю к жизни. «Дни русской культуры» в 1937г. свидетельствовали о vitalности подлинной России, которая жила в составе СССР.

Нет загадки в том, что Пушкин удивительно русский поэт, в нём заключена полнота русскости.

Общепризнан Пушкин и как всероссийский поэт. Слух о нём действительно проходит «по всей Руси великой», и все российские этносы почитают его творчество.

Бесспорно и всемирно-историческое значение пушкинского творчества, оно есть вселенское явление.

Из пушкинских творений человечество черпает духовную энергию, представление о России, русских и россиянах. Пушкин всегда со своей Родиной – Землёй обетованной. Его корни не только во Всея Руси, но и в Африке, и в Германии.

Нет тайны в том, что Пушкин воплотил в себе две российские парадигмы – интеллектуальной деятельности и нравственного подвига. Эти парадигмы, по определению В.О. Ключевского, суть движители России. Пушкин отвечает также на вопрос о декабристской традиции в русской культуре, – традиции, в которой по мысли Ю.М. Лотмана, есть и «человеческий» аспект – традиция определённого типа социальной психологии. В Пушкине проявлена также непосредственно человеческая преемственность, гуманистическое преемство. Мысли и чувства гения были постоянно привлечены ко всем людям, которые были для него близкими и родными. Пушкин дышал свободой и желал того, чтобы все люди, подобно Рылееву, переместили свободу из области мечты и идей в практическое «дыхание».

В этой практической сути свободы заключена тайна общественной гражданственности в России. До сего дня она находится под прессом государственного режима и российская гражданская нация никак не может встать на ноги. Этого не желает господствующий класс бюрократии. Поэтому российский Модерн как эпоха освобождения всех россиян всё ещё продолжается. Пушкинская свобода продолжает жечь «глаголом сердца людей», будто спрашивая: «Когда же вы, граждане-россияне, осмелитесь быть суверенными перед властью чиновничества?»

Таинственность российского бытия приоткрыл Пушкин. Он признал коварство в формуле «Понимание России». В этих двух словах выражен бесконечный процесс, требующий для понимания множества объяснений и практических актов. Понимать – это путь в бескрайнем пространстве. Догадываясь о том, что человеку не дано исчерпывающе

понять Россию, её прошлое и настоящее, Пушкин стремился осознать свою неотделимость от судьбы своего Отечества. Он сливался с его жизненным трагизмом и последовал державинскому кредо: «Я телом в прахе истлеваю, / Умом громам повелеваю».

Я должен признаться в том, что для меня пушкинские повеления превыше всего. И плыть нам, россиянам, надо к Святой Троице, которой служил Пушкин. Троицей определено «высокое предназначение России» (А.С. Пушкин. ПСС. Т. 11. С. 268).

Editorial note

The volume starts the new column of the journal "Chapters of books" with the fragment of the monograph of the well-known Russian philosopher P.I. Simush, the author of books on reconstruction of the philosophical content of works by S.A. Esenin, L.N. Tolstoy, A.P. Chekhov. Simush presents the integral version of the issue in his new work "Voices of Trinity sounding in classics" which reflects the worldview of the author, his political positions and philosophical ontological ideas under the definite discussion. The author claims that Russia is united with the West by the traditions of revolution and progress. The history turned it out to bind tightly the fortunes of Europeans, Americans and Russians - people of different lifestyles and worldviews. It could probably be the Providence. It tries peoples with wars and revolutions, and Russians withstood these tests. P.I. Simush backgrounds on his own integral and international understanding of the Russian national idea which is regarded as a trinity cultural synthesis of the Russian being, an ontological unity of spirituality, statism and civism. The history reflected in the personal fortune is often isomorphic to the history of nation and the humankind. This concept was clearly perceived by the Russian classic writers, genius pulled into one constellation, according to Pushkin. Reconstruction of philosophical depths of the works of Russian classic writers lets the author consider the mystical relation between the essence of the Russian historical life and ontological God Trinity - Father, Son and Holy Spirit. At the edge of centuries the Russians are facing the eternal Theofany. Is it possible to realize, understand and accept it? We count on the reader who would be both ponderate and critically interpretative.

TRINITY VOICES SOUNDING IN THE CLASSICS (CH.1-2)

P.I. SIMUSH

*Institute of philosophy,
Russian Academy of Science*

e-mail:

Ved2_Philosophy@bsu.edu.ru